

Трижды «Миллионная», что в Немецкой слободе

За рядом домов, стоявших по Неве на Набережной линии, образовалась первая улица Адмиралтейского острова, которая часто меняла названия. Это — Миллионная линия (улица). В разное время она была Миллионной, Луговой, Большой, Немецкой, снова Миллионной, Халтурина и, наконец, опять (надеюсь, уже навсегда) Миллионной. Вдоль нее, а также вдоль Мойки и по обоим берегам не сохранившегося до наших дней Красного канала (соединял Мойку с Невой по западной стороне Царицына луга) селились ремесленники и торговцы, придворные служители, в большинстве иностранцы, а по-русски — «немцы». Отсюда название Немецкой улицы и всей слободы. Застраивать Адмиралтейский остров начали почти сразу после основания Адмиралтейства. Уже осенью 1705 г. решили строить здесь дома для морских офицеров.²⁰⁸ Тут же селились корабельные мастера Адмиралтейства, а их на этом мощном предприятии была не одна сотня. Словом, уже в первые годы Петербурга Адмиралтейский остров был одним из самых населенных мест города.

Так уж сложилось, что, несмотря на отсутствие в Петербурге отдельных слобод, в которых держали иноземцев или иноверцев в Москве и в других городах, приезжие иностранцы все равно селились вместе, компактно, по признаку языка, землячества и рода занятий. Это так естественно — земляки хотели жить поближе к своим, а сосед, каждое утро шедший на работу в Адмиралтейство, лучше поймет такого же, как он, «заводчанина».

Немецкая слобода занимала восточную часть Адмиралтейского острова (примерно до современного Невского проспекта) и являлась частью обширной Адмиралтейской стороны. В Немецкую слободу входила Греческая слобода — квартал, примыкавший к Красному каналу и Мойке. Здесь жили греки — галерные мастера и моряки, приглашенные Петром I с Адриатики для заведения на Балтике галерного флота. На другом берегу Мойки в 1719 г. по проекту архитектора Николая Гербеля началось строительство каменного (двухэтажного с башней) Конюшенного двора, обслуживавшего нужды царя и его семьи. Конюшенный двор строился долго и был закончен в основном в 1724 г.: в августе этого года в здании монтировали и вставляли окна.²⁰⁹ Надо полагать, что конюхи и другие служители конюшенного ведомства селились неподалеку, на «своих» Конюшенных улицах. Впрочем, Берхгольц, побывавший на стройке в 1721 г., писал, что двухэтажное здание имеет внизу стойла для лошадей, а на втором этаже устроены каретные сараи, жилые помещения для конюхов.²¹⁰

Дальше по Мье (Мые, Мойке) и Миллионной улице, то есть ближе к Адмиралтейству, селились прочие иностранцы. Путешественник называет эту слободу «Финскими шхерами» из-за многочисленности живших здесь

²⁰⁸ МИРФ. Ч. 4. С. 555.

²⁰⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 7г. Л. 1066 об.; Оп. 2. Д. 47а. Л. 309.

²¹⁰ Берхгольц Ф. В. Дневник... Ч. 1. С. 65.

военнопленных шведов и финнов. Здесь находилась деревянная «финская лютеранская церковь».²¹¹ Это была не единственная и не первая иноверческая церковь в Петербурге (первая лютеранская церковь, как мы помним, была построена в 1703 г. на Заячьем острове). Самая первая на материковой стороне иноверческая церковь (лютеранская) стояла в Немецкой слободе, во дворе дома вице-адмирала Корнелия Крюйса. Дом этот, как и другие особняки в этой линии, выходил фасадом на Неву, а задней стороной — на Миллионную улицу, неподалеку от Зимней канавки.²¹² Церковь стояла во дворе не случайно — она считалась домовою, частною, что позволяло избежать претензий православных ортодоксов, хотя в нее ходили все лютеране Немецкой слободы. Церковь была «в виде креста из одних бревен». Такой ее увидел Юст Юль в 1710 г. По-видимому, она была голландской. Юль писал, что в этой церкви служит первый в Петербурге лютеранский пастор голландец Виллем Толле, прибывший в Россию вместе с Корнелием Крюйсом.²¹³ Геркенс, посетивший эти места в 1718 г., видел ту же самую церковь — «деревянное здание в форме креста», но сообщал, что «далее здесь» также стоит деревянная католическая церковь. Побывавший здесь же в 1720 г. (и державший в руках сочинение Геркенса) ганноверский дипломат Вебер уточнял его сведения: «...теперь ее перестраивают в камне». В документе 1721 г. она названа «Кирха немецкая, что близ Зимнего дому».²¹⁴

На краю Немецкой слободы, уже ближе к будущему Невскому проспекту и Морским улицам, проходила улица, которая «тянулась по краю Адмиралтейского луга, включавшего нынешнюю Дворцовую площадь и огромное пространство перед Адмиралтейством. Улицу называли Немецкой Луговой, Большой Луговой, Луговой Миллионной и Малой Миллионной, она была продолжением Большой Миллионной улицы».²¹⁵ Где-то здесь располагалось городское Новгородское подворье — резиденция архиепископа Феодосия, а потом Феофана.²¹⁶ Отсюда начинались Большая и Малая Морские слободы (на месте современных одноименных улиц), где жили моряки. В расположенной рядом Пушкарской слободе обитали артиллеристы, а в четырех Переведенских слободах за Мойкой жили плотники и мастера Адмиралтейства. Поблизости находилась и слобода Адмиралтейского батальона.²¹⁷

Дальше в Морской слободе, прямо на берегу реки Мойки (у нынешнего Зеленого моста), в 1719 г. был построен Гостиный двор. До него на этом месте, по-видимому, были лавки торговцев. Потребность в продуктивном

²¹¹ «Описание... столичного города...». С. 213; Вебер Ф. Х. Из книги «Преображенная Россия». С. 108.

²¹² Эрмитаж. История строительства... С. 36.

²¹³ Юль Ю. Записки... С. 98.

²¹⁴ «Описание... столичного города...». С. 213; Вебер Ф. Х. Из книги «Преображенная Россия». С. 108; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 22д. Л. 70.

²¹⁵ Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская улица. СПб., 1996. С. 6.

²¹⁶ Петров П. Н. История Санкт-Петербурга... С. 112.

²¹⁷ Ставровский А. С. С.-Петербургский Адмиралтейский собор во имя святителя Спиридона. СПб., 1906. С. 26.

рынке и кабаке возникла сразу же с началом застройки острова. 26 августа 1705 г. строитель Адмиралтейства И. Я. Яковлев просил Меншикова разрешить «питью быть в продаже», так как «мастеровые люди, кои ныне приехали, живут у адмиралтейского двора, скучают чтоб на сей стороне быть продаже съестным товарам и питью вина и пива, для того что им на другую сторону (Городовую. — Е. А.) переезжать с трудом...». Как бы жестоко власти с людьми ни обращались, но они понимали, что без «питья» народ «скучать» не должен. Поэтому перед Адмиралтейством появился кабак, а ближе к берегу Мойки и рынок (Мытный двор). Как пишет А. И. Богданов, деревянный Мытный двор (т. е. по-современному говоря, продуктовый рынок) стоял в очень удобном для торга месте и потому здесь стала развиваться торговля «хорошими и богатыми товарами», что привело к переименованию Мытного двора в Гостиный двор (он сгорел во время пожара 1737 г.).²¹⁸ Когда произошло это переименование — неизвестно, еще в 1719 г. был издан указ о строительстве «на Адмиралтейском острове каменного Мытного двора». И в 1721 г. он называется в документах «Мытный двор, каторой на Адмиралтейской стороне».²¹⁹ В 1719—1720 гг. возле Мытного двора строили разводной мост (будущий Зеленый, Полицейский, Народный и снова Зеленый).²²⁰ Несомненно, это был не первый мост здесь — трудно представить, чтобы после основания Адмиралтейства в 1704 г. через Мойку в этом месте не навели никакого моста, даже наплавного. На шведском плане Петербурга 1708 г. изображен именно такой мост, возле которого стоит: «Krog», сиречь кабак.²²¹

В Прядыльной слободе, которая находилась ближе к Адмиралтейству в направлении современной Исаакиевской площади, жили ткачи, которые работали в парусных и канатных мастерских морского ведомства. Ближе к Неве, ниже по ее течению, селились жители Кузнечной слободы — известно, что адмиралтейские кузницы из-за угрозы пожара были вынесены подальше от складов и мастерских Адмиралтейства.